

ОТЗЫВ

**официального оппонента на диссертацию С.С. Камынина
«Евразийская идея: гносеологический анализ», представленную на
соискание ученой степени кандидата философских наук по
специальности 09.00.01 – онтология и теория познания**

Данное диссертационное исследование представляется весьма актуальным и своевременным по целому ряду обстоятельств. Во-первых, нынешний сложный исторический момент вновь со всей остротой ставит проблему цивилизационного своеобразия России, которую западный мир никак не склонен считать частью собственной цивилизации. Более того, вопреки иллюзиям отечественных западников, Европа и США рассматривают Россию не просто как иную, но именно как *чужую и чуждую* по своим базовым политическим и культурным ценностям цивилизацию, которую следует принудительно заставить жить по западным образцам и рецептам. В сущности, мы сталкиваемся сегодня с тем агрессивным европоцентризмом, о котором писали евразийцы. Все это заставляет на новом уровне возвращаться к их теоретическому наследию, в котором представлена одна из самых продуманных и систематических форм национального самопознания, позволяющая не только рационально осмыслить происходящее на наших глазах, но спрогнозировать риски и перспективы мирового развития. В отличие от чисто идеологических и умозрительных форм самоидентификации России (либеральных, коммунистических, православно-консервативных, националистических) именно евразийство, как удачно показывает автор данного диссертационного исследования, опирается на научные факты и аргументацию; исходит из объективного географического, исторического и культурного своеобразия России-Евразии, а не из идеологических конструкций. Ровно век назад в условиях первой мировой войны В.Ф. Эрн написал, что «время славянофильствует»; сегодня у нас есть все основания говорить, что «время евразийствует».

Во-вторых, геополитическая, геоэкономическая и социокультурная востребованность евразийства делает необходимым более глубокое выявление его философских – явных и неявных – оснований, чему, собственно, и посвящена данная диссертация. Именно теоретическая философская рефлексия позволяет увидеть в евразийской концептуальной парадигме и не выявленный до сих пор эвристический потенциал, и проблемные поля, подлежащие дальнейшей разработке, и, наконец, неизбежные недостатки, видимые с высоты сегодняшнего дня и подлежащие устранению. В этом плане отнесенность данной диссертации к теоретической философской специальности (онтология и теория познания)

мне представляется совершенно закономерной, ибо обращение к историческому материалу здесь носит не эмпирический, не собственно историко-философский, а именно проблемно-теоретический характер.

В-третьих, данная работа представляется актуальной и знаменательной еще и в том плане, что свидетельствует о вступлении отечественной философии в качественно новый этап своего развития, когда мы не просто осваиваем наше национальное философское наследие, но начинаем его творчески развивать, переставая задаваться ложным вопросом, что подумает о наших текстах просвещенный философский Запад. А он о нас ничего и не подумает, предпочитая не читать и не печатать вторичные комментарии к своим оригинальным теоретическим текстам. В этом плане я считаю важным поддержать автора, который не просто осуществляет философско-рефлексивное гносеологическое осмысление сложного комплекса евразийских идей, но делает заявку на их творческое авторское приращение. Забегая вперед, сразу отмечу одно из главных достоинств оппонируемой работы – органическое совмещение метафизической квалифицированности автора с историко-культурной компетентностью.

Эта двоякая направленность исследования, с одной стороны, на комплексную теоретическую реконструкцию гносеологических идей евразийцев, а, с другой, на выявление их эвристического потенциала в явной форме задана уже в целях и задачах исследования. Так, С.С. Камынин ставит главной целью диссертации комплексно реконструировать гносеологические «компоненты евразийских теоретических конструкций» (с.9). Эта цель отличается явной теоретической новизной, ибо гносеологии евразийства, да и то под достаточно узким – персоналистическим – углом зрения, было посвящено лишь одно исследование (Колесниченко Ю.В. Личность в евразийстве: гносеологические основания. М., 2008). Цель диссертации достаточно органично трансформируется у автора в задачи исследования, а именно: в поиск идейных и методологических корней евразийского учения; в выявление базовых - явных и неявных - методологических предпосылок становления их гносеологических взглядов, а также в анализ ключевых собственно евразийских гносеологических понятий («Россия-Евразия», «месторазвитие», «симфоническая личность» и т.д.). Важной и ценной является постановка автором проблемы существования особой евразийской гносеологической парадигмы, которая могла бы составить конкуренцию как европейским классическим, так неклассическим теоретико-познавательным доктринам.

Надо отдать должное автору: заданная в целях и задачах логика диссертационного исследования достаточно органично отражается в структуре работы, состоящей из двух глав и девяти параграфов, в ее последовательно разворачиваемом содержании, а, главное, в изложении и обосновании ключевых результатов исследования, выносимых на защиту.

Перейдем теперь к анализу основного содержания диссертационной работы. В первом параграфе первой главы автор достаточно четко очерчивает предметное поле исследований, обосновывает правомерность

использования именно термина «гносеология», а не «эпистемология» применительно к пониманию знания у евразийцев. Действительно, евразийцы наследуют традиции русской гносеологической мысли, где внимание уделяется не только научным, но и вненаучным компонентам знания в виде нравственной рефлексии, религиозного опыта, художественной интуиции и т.д. Соответственно, и методологический инструментарий исследователя, как справедливо подчеркивает С.С. Камынин, должен соответствовать самому предмету исследования. Здесь сразу отметим ценный вывод автора, который будет разворачиваться и обосновываться на протяжении всего исследования: с точки зрения евразийцев не сознание конструирует познаваемую предметность, а сам объективно существующий предмет (уж каков онтологический статус этой объективной предметности – вопрос отдельный) диктует использование тех или иных методов, приводит к рождению тех или иных познавательных идей. В этом плане гносеологические интуиции евразийцев справедливо, по мнению автора, назвать органицистскими в противоположность западным, равно и эмпиристским позитивистским, и конструктивистским неокантианским идеям, которые в то время были наиболее популярны. Применительно к познанию России-Евразии это приводит к признанию объективного характера познаваемых природно-культурных и социальных структур. Объективистская установка, что очень важно, вполне согласуется в евразийской гносеологии с признанием активности субъекта познания, с его органической культурной и экзистенциальной связанностью с познаваемой предметностью. Отсюда сочувственное отношение евразийцев к теории психологической «вживаемости» в предмет у раннего Дильтея, и признание неустранимой ценностной нагруженности знания. Здесь автор выдвигает довольно интересную идею «цивилизационной нагруженности знания», намек на которую можно встретить в наследии П.Н. Савицкого. Взгляды евразийцев на Россию традиционно относят к так называемой «примордиалистской» парадигме познания социальных и этнических общностей, однако работа С.С. Камынина заставляет усмотреть в их гносеологических воззрениях и элемент, что называется, «здорового» конструктивизма.

Во втором параграфе первой главы автор достаточно подробно и квалифицировано анализирует те идейные источники, которые подпитывали гносеологические искания евразийцев. Здесь в первую очередь он отмечает идеи славянофилов, Н.Я. Данилевского, Ф.М. Достоевского, К.Н. Леонтьева и В.С. Соловьева. Отрадно, что автор не обошел столь важную и до последнего времени замалчиваемую фигуру, как выдающийся отечественный геополитик, географ, филолог и общественный деятель В.И. Ламанский. Кроме этого, как верно подчеркивает автор, методологический и гносеологический инструментарий евразийской мысли пополнялся не только за счет социогуманитарных наук, но и за счет профессионального знания евразийцами естественнонаучного материала. Здесь особенно значительна фигура П.Н. Савицкого. Важно, что практически все теоретики евразийства

были крупными учеными, внесшими существенный вклад в географию, историю, филологию, теорию государства и права, культурологию и этнографию. Автор делает справедливый вывод, что становление комплексной научной методологии у евразийцев, синтетичность и систематичность их гносеологических установок во многом обусловлена их глубокими профессиональными знаниями и широким научным кругозором (с.9, с.31).

В третьем параграфе «Методологические основы евразийской гносеологии», который, на наш взгляд, носит несколько схематичный характер, автор предпринимает попытку выделить базовые методологические основания евразийской гносеологии. С автором можно согласиться в том, что целостных гносеологических построений и специальных трудов по теории познания мы у евразийцев не найдем (да и их персональные философские предпочтения достаточно различны), однако некие общие методологические максимы и предпочтения у них есть. Автор усматривает их в принятии идеи Абсолюта, как основания единства и структурной упорядоченности мира; в признании надперсональных структур в деятельности субъекта познания (идея «симфонической личности» Л.П. Карсавина); в своеобразном применении диалектической методологии исследования; в примате синхронического ракурса анализа над диахроническим. К сожалению, краткость столь важного параграфа диссертации обернулась у автора тем, что он прошел мимо ряда напрашивающихся и важных выводов, которые можно было бы сделать. Это тем более обидно, что подобные часто выводы латентно присутствуют в самой работе. Но об этом речь пойдет ниже, когда мы перейдем к замечаниям.

В четвертом и пятом параграфах, которые, в отличие от третьего, производят благоприятное впечатление своей последовательностью и обоснованностью, автор достаточно подробно анализирует своеобразие использования евразийцами возможностей структурного подхода. Это касается познания России-Евразии, как устойчивой во времени и пространстве цивилизационной структуры, а также культуры в целом, как это представлено в творческом наследии Н.С. Трубецкого. С.С. Камынин, на наш взгляд, совершенно верно отмечает важный вклад евразийцев в становление «научного руссиеведения», а также их приоритет в использовании комплексной и междисциплинарной методологии при познании общественных явлений (с.66.). Можно согласиться с автором и в том, что эта синтетическая методология сегодня востребована, как никогда ранее.

Вторая глава работы называется «Проблемное поле евразийской гносеологии». Она существенно меньше по объему, чем первая глава, хотя поднимаемые в ней проблемы весьма актуальны, а выводы существенны. Здесь автор подробно анализирует гносеологическое содержание и эвристический потенциал важнейших категорий евразийства – «Россия-Евразия», «месторазвитие», «симфоническая личность». Не отрицая их фундаментального значения в идейном наследии евразийцев, все же хочется

спросить автора, почему он игнорирует другие, не менее важные категории, которые ими активно используются и которые также обладают значительным методологическим и когнитивным потенциалом. Это касается таких категорий, как «континент-океан» (П.Н. Савицкий), «государство правды», «идеократия» и «эйдократия» (Н.Н. Алексеев), «общеевразийский национализм» (Н.С. Трубецкой). Понятно, что объем диссертации не бесконечен, но выбор одних категорий анализа и отказ от анализа других надо было хотя бы вкратце обосновать.

Вместе с тем, следует отметить, что гносеологический анализ выбранных автором категорий проведен достаточно содержательно и интересно. В частности, можно согласиться с ним в том, что категория «месторазвитие» является едва ли не центральной в их наследии. Благодаря ей, евразийцам удастся показать связь и взаимное влияние ландшафтно-географических, культурных и психологических особенностей в жизни той или иной этнокультурной общности вплоть до предельно общей единицы обществоведческого анализа, какой является цивилизация или культурно-географический мир. Именно категория «месторазвитие» во многом обеспечила целостное евразийское понимание России, как особой срединной цивилизации с явным своеобразием и ландшафтно-климатических, и культурных составляющих (с.86, с.90).

Надо отдать должное автору: он не впадает в абстрактную апологетику евразийских идей, а во втором параграфе второй главы «Евразийская просопология» вскрывает и определенные недостатки в теоретическом наследии евразийцев. К таковым он справедливо относит абсолютизацию роли православия в рамках России-Евразии, которую, если уж быть последовательным, евразийцам следовало бы признать поликонфессиональной цивилизацией, где равноправие евразийских народов должно соответствовать и равноправие всех религий. Прав автор и в том, что евразийским взглядам на государство, особенно в ранний период развития евразийского движения, присущ момент абсолютизации его роли в жизни общества и некоторая недооценка прав и свобод отдельной личности (с.102-103). Но этим грешит по преимуществу карсавинская трактовка государства, с которой значительно расходился тот же Н.Н. Алексеев, развивая теорию «государства правды». У него мы, наоборот, встречаем абсолютно верную мысль, снимающую крайности западного индивидуализма и восточного коллективизма, что основной задачей государства является создание оптимальных условий для всестороннего развития личности. Кстати, сам автор цитирует эту важную мысль Н.Н. Алексееву на с.98.

Пожалуй, наиболее интересными с теоретической точки зрения, хотя и не бесспорными, представляются третий и четвертый параграфы второй главы, которые носят довольно показательные названия «Специфические черты научной рациональности в евразийстве» и «Гносеологический потенциал евразийской парадигмы: теоретические перспективы». Думается, что автор прав, подчеркивая синтетический и комплексный характер евразийской гносеологии, нацеленной в будущее. В ее рамках достаточно

успешно преодолевается как жесткий и рассудочный объективизм и фундаментализм модерна, так и будущая иррациональность, субъективизм и антифундаменталистский пафос постмодерна. В этом плане познавательные установки евразийских исследований, как верно отмечает С.С.Камынин, оказываются весьма созвучными постнеклассическим когнитивным исканиям с их вниманием к этической составляющей научных исследований, а также к иным — внерациональным — формам научного опыта, как они представлены в художественном и религиозном творчестве. Близка евразийская и постнеклассическая гносеология также и в интенции на органическое совмещение различных научных методов и ракурсов анализа, которую автор именует «конструктивным плюрализмом» (с.121). Заканчивает он свое исследование (вполне в духе евразийского «гносеологического оптимизма» по терминологии самого же автора диссертации!) достаточно смелой, хотя и далеко не бесспорной, гипотезой о возможности формирования в будущем специфической евразийской познавательной парадигмы, где произойдет возврат от сомнительных постмодернистских концептуальных игр, всяких темных «ризом» и «сингулярностей», к целостному человеку и к целостному пониманию его познавательной деятельности. В Заключении работы автор довольно удачно суммирует итоги своего исследования, справедливо и вполне уместно подчеркивая, что евразийство является открытой и динамической — живой — системой идей, а не архивом знаний, представляющим интерес лишь для профессиональных историков философии.

Думается, что этот вывод об актуальном значении гносеологических идей евразийцев при всей их незавершенности и недосказанности является одним из самых ценных в диссертационном исследовании С.С. Камынина. Фундаментальные категории и подходы, введенные евразийцами, не утратили своего методологического потенциала в социогуманитарном знании. Они успешно работают и их можно дальше творчески развивать. Важно, что этот вывод обстоятельно развернут и аргументирован автором. В целом же, задачи, поставленные в начале исследования, были С.С. Камыниным успешно решены. Выводы работы достаточно четко сформулированы и обоснованы. Избранный автором проблемно-теоретический философский метод реконструкции гносеологических установок одной из важнейших и влиятельнейших школ в рамках русской общественно-политической мысли, доказал свою плодотворность. Он не только способствует лучшему пониманию евразийского теоретического наследия, но позволяет его авторски и творчески развивать. Здесь хочется еще раз отметить важный момент, что диссертант совмещает в своем исследовании хорошее знание истории философии с умелым владением метафизическим — онтологическим и теоретико-познавательным — инструментарием. Это гарантирует получение нетривиальных выводов, которые можно защищать и успешно развивать далее.

Вместе с тем, в диссертации имеются недоработки и теоретические недомыслия. Некоторые из них проистекают от того, что сам автор подчас

не доводит свои рассуждения до логического конца или не видит очевидных переключек между различными фрагментами своей работы, которые позволили бы сделать верный вывод и избежать сомнительных суждений.

1. Это касается в первую очередь 3 параграфа первой главы, несколько поверхностный характер которой отмечался выше. Так, С.С. Камынин верно фиксирует приверженность евразийцев диалектической методологии, однако почему-то усматривает своеобразие их трактовки в «психологизации» диалектики и в отказе от понятия диалектического снятия (с.49-50). Здесь он отталкивается исключительно от диалектических штудий Л.П. Карсавина и почему-то совершенно игнорирует образцы диалектического мышления, как они представлены, например, в наследии П.Н. Савицкого (диалектика леса и степи, плана и рынка, целого и части в существовании России-Евразии) и особенно у Н.Н. Алексеева, едва ли не самого глубокого диалектика среди всех евразийцев. У последнего, кстати, мы встречаемся, с явным использованием процедуры диалектического снятия, например, в работе «На путях к будущей России», где этот выдающийся отечественный мыслитель вполне конкретно показывает, что в постсоветской России должно быть отвергнуто, а что, безусловно, сохранено от советского периода ее истории.

Если уж говорить о своеобразии евразийской диалектики, то сам автор вполне четко фиксирует это своеобразие, анализируя фонологическое наследие Н.С. Трубецкого, где последний выделяет три вида фонематических оппозиций: эквиполентную, градуальную и привативную (с.125). В последней модели противоположности оказываются непримиримыми, одна отрицает другую. Это, по мысли Н.С. Трубецкого, соответствует европейской доминанте борьбы, взаимного отрицания противоположностей. Эквиполентные фонематические оппозиции, напротив, по мысли Н.С. Трубецкого, не исключают, а предполагают друг друга. Такая синтетическая трактовка диалектики во многом и составляет своеобразие евразийского, а шире – русского – философского мышления, действующего не столько по принципу «или-или», сколько по принципу «как то, так и другое» и опосредствующего противоположности (отчасти это выражено в знаменитом принципе монодуализма у С.Л. Франка и С.Н. Булгакова). Конкретное применение это диалектического принципа взаимодополнительности, где каждая из противоположностей нуждается в другой для проявления своего имманентного потенциала, мы и встречаем у евразийцев при анализе взаимоотношений пространственных и культурных составляющих в месторазвитии того или иного народа, элементов национального и общевразийского патриотизма, синхронического и диахронического ракурсов анализа этнокультурных и цивилизационных общностей. К сожалению, этих напрашивающихся выводов автор не делает.

В этом плане довольно странным видится тезис автора в том же 3 параграфе первой главы о примате синхронического аспекта над диахроническим у евразийцев (этот тезис воспроизводится и в положениях, выносимых на защиту, с.11), хотя на протяжении всей работы он как раз

справедливо подчеркивает достижения евразийцев в историческом познании России, ведь они не только сумели увидеть ее неизменные базовые структурные характеристики в различные эпохи, но и выявили различные исторические вариации этих структур. Скорее здесь можно говорить о диалектическом объединении и взаимном опосредствовании синхронического и диахронического подходов.

2. Автор в последнем параграфе 1 главы солидаризируется с позицией Н.С. Трубецкого в «Европе и человечестве» о несоизмеримости культур, а во второй главе сочувственно отзывается о критике этого положения в наследии П.Н. Савицкого. Позиция самого автора по вопросу соизмеримости культур остается не до конца понятной из текста диссертации. По-видимому, следовало различить 2 смысла в термине «несоизмеримость» применительно к культуре: *методологический* и *аксиологический*. В том, что культуры подлежат объективному научному сопоставлению вряд ли сомневался и сам Н.С. Трубецкой, ибо он именно сравнивает романо-германскую и евразийскую культуры в той же «Европе и человечестве», а в поздний период своего творчества даже различает такую ложную разновидность национализма, как «культурный изоляционизм», т.е. имплицитно принимает возможность обогащения одной культуры достижениями других культур. Другое дело, что недопустимо аксиологическое соизмерение культур в бинарных оппозициях: «развитая - не развитая»; «передовая – архаическая», «осевая-периферийная» культуры.

3. Сомнительным представляется вывод автора в 4 параграфе второй главы о возможности формирования оригинальной евразийской гносеологической парадигмы. Защищаемый тезис, на взгляд оппонента, надо было бы сузить. Так, с формированием оригинальной евразийской парадигмы в социогуманитарном научном знании согласиться вполне можно, а вот оригинальная теоретико-познавательная традиция была заложена в русской философии задолго до евразийцев. Это косвенно признает и сам автор, указывая на гносеологические истоки евразийских идей в наследии тех же славянофилов и В.С. Соловьева. Уже у них мы находим достаточно четко сформулированные идеи о недопустимости жесткого разведения онтологии и гносеологии, об онтологической природе истины, о неустранимости ценностной и экзистенциальной составляющих в познавательном процессе, о единстве рациональных и внерациональных способностей сознания, а также о необходимости объединения различных форм духовного опыта – научного, религиозного, художественного. В этом плане евразийцы являются оригинальными и талантливыми продолжателями традиций русской гносеологии, но отнюдь не ее творцами. Среди них объективно нет гносеологов уровня С.Л. Франка, П.А. Флоренского, Н.О. Лосского или С.А. Левицкого.

4. В работе также встречаются некоторые досадные неточности:

– автор почему-то (с. 28) именует Карсавина Львом Петровичем и называет одним из основоположников евразийского движения. На других

страницах работы (с.108), напротив, говорит, что он «примкнул» к евразийскому движению. Верно, безусловно, последнее утверждение;

– на с.79 утверждается, что евразийцы ввели понятие «туранского фактора». Однако термины «туранский», «туран» активно использует уже К.Н. Леонтьев, а оппозиция «Ирана» и «Турана» является классической для исследования взаимоотношений оседлых и кочевых культур;

Однако спорные утверждения и недостатки исследования не носят существенного характера. Работа имеет ярко выраженное авторское своеобразие, а большинство ее выводов оригинально и хорошо обосновано. В работе есть явная новизна. Текст диссертационного исследования отличается хорошим профессиональным языком и ясной логикой. Содержание диссертации получило адекватное отражение в журнальных публикациях автора, в том числе и включенных в перечень ВАК. Автореферат отражает существо диссертации, и она отвечает всем требованиям, предъявляемым к кандидатским диссертациям Постановлением правительства РФ «О порядке присуждения ученых степеней». В лице С.С. Камынина мы обретаем творчески мыслящего и смелого молодого исследователя, у которого есть хорошие перспективы для дальнейшего научного роста.

Все вышесказанное дает основание заключить, что С.С.Камынин заслуживает присуждения искомой ученой степени кандидата философских наук по специальности 09.00.01 – онтология и теория познания.

Д.ф.н., профессор

А.В. Иванов

26.08.2015

Иванов Андрей Владимирович, заведующий кафедрой философии ФБГОУ ВО «Алтайский государственный аграрный университет, г. Барнаул.

Домашний адрес: 656038, Алтайский край, г.Барнаул, ул. Димитрова, д.41, кв. 69, тел. 8-385-2-66-93-70; e-mail: ivanov_a_v_58@mail.ru

Подпись А.В. Иванова
специалист УП
26.08.2015



А.В. Мамтеев